

Учредители журнала: Минобрнауки РФ
АНО Редакция журнала

Лицензия на издательскую деятельность редакции
выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от
22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано
Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 8 — 2016 г.

Российское ежемесячное научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973-1990 гг.);
«Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); «Социально-
политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные
знания» (с 1999 г.)

**С момента создания Перечня ведущих рецензируемых
научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в
этот перечень согласно решению Президиума ВАК**

E-mail редакции: soc-gum-zhurnal@yandex.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-zhurnal.ru>

*Журнал представлен в Научной электронной библиотеке
elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Рос-
сийский индекс научного цитирования)*

Адрес редакции: 107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 28, к. 11

Телефоны редакции: 8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95

© «Социально-гуманитарные знания», 2016

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2016

8

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

- Анисина Е.А., Надточий Ю.Е.* – Память о Великой Победе (по результатам социологического исследования в молодежной среде)..... 8
- Квариани А.Э.* – Южное направление Европейской политики ЕС: стратегическая составляющая 15
- Моисеев В.В.* – Государственная политика оплаты труда педагогов..... 28

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

- Безвесельная З.В.* - Фундаментальные ценности русской культуры: история и современность..... 34
- Лычманов Д.Б.* – К вопросу о специфике ценностных оснований постсовременной российской культуры (метааксиологические тезисы)..... 44

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

- Гавриш В.Д.* – К проблеме научной классификации социальных ситуаций (продолжение анализа)..... 52
- Золотовская Л.А.* – Модель реализации концепции профессиональной подготовки офицеров по работе с личным составом..... 59
- Козьмин В.С.* – Научная рациональность как форма мышления в истории и философии науки..... 68
- Моисеев В.В.* – Государственная политика импортозамещения в АПК Российской Федерации..... 78
- Шутенко Е.Н.* – Роль информационных технологий в обеспечении самореализации студентов в вузовском обучении..... 85
- Яблонских А.А.*– Значение метафизики для научного познания и исследования..... 93
- Демененко И.А., Шавырина И.В.* – Менеджмент-технологии повышения клиентоориентированности вуза 99

<i>Крамской С.И., Грачев А.С., Крамской И.С.</i> – Анализ отношения учащихся к занятиям физической культурой и сдаче ВФСК «Готов к труду и обороне»	105
<i>Крамской С.И., Амельченко И.А., Крамской И.С.</i> – Социально-биологический аспект формирования оздоровительной культуры студентов	113
• Человек и общество	
<i>Целютина Т.В., Авилова Ж.Н.</i> – Проблемы и перспективы развития кадровой составляющей инновационной инфраструктуры региона	120
<i>Астахов Ю.В.</i> – Роль кадровых процессов, явлений, отношений и институтов в устойчивом развитии муниципальных образований.....	127
<i>Поддигаило А.А. Целютина Т.В.,Авиллова Ж.Н.</i> – Особенности развития трудового потенциала регионов России в условиях нестабильной ситуации во внешней политике и кризисных явлений в экономике (2014-2016гг.).....	133
<i>Реутов Е.В. Реутова М.Н. Шавырина И.В.</i> – Роль доверия в организации социального пространства местного сообщества	141
<i>Смоленская О.А.</i> – Теория и практика законодательного регулирования труда женщин в фабрично-заводской промышленности в конце XIX в	147
<i>Сухов А.Н. Гераськина М.Г. Захарова А.А.</i> – Уровень доверия клиентов к социальным работникам как показатель эффективности их профессиональной деятельности..	153
• Актуальные страницы политической истории	
<i>Маслов Н.А.</i> – Постельцинизм, история, будущее (онтологический модус).....	162
• Научные сообщения	
<i>Галухин А.В.</i> – Контекстуально-модальный анализ условий решения головоломки скептицизма (концепция К. Дегроуза).....	168
<i>Малахова Е.В.</i> – Возможно ли искусство без катарсиса? ...	189
<i>Мамедова Н.М.</i> – Спонтанное и сознательное в динамике традиций	205
<i>Понизовкина И.Ф.</i> – Генезис философии и мифология.....	210
<i>Рыбалкина П.В.</i> – Проектное мышление как новый инструмент социокультурного проектирования	216
<i>Скатерщикова А.В.</i> – Социально-философские концепции итальянской философии	222

А.В. ГАЛУХИН¹

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова*

Контекстуально-модальный анализ условий решения головоломки скептицизма (концепция К.ДеРоуза)

Универсалией контекстуалистических подходов к проблемам конститутивного и атрибутивного анализа знания является положение о ситуативной вариативности эпистемических стандартов и относительности условий атрибуции знания к определенному контексту, - исследование контекста - не только когнитивной, но целостной дискурсивной ситуации, реализуемой как в формах философско-критического обсуждения, так и в формах повседневного естественно-языкового общения - представляется необходимым условием возможности удостоверения состояния обладания знанием.

Атрибуторный семантический контекстуализм является одной из парадигматически репрезентативных форм метаэпистемологического анализа, ориентированного на решение проблемы определения условий приписывания субъекту знания с позиций контекстуального релятивизма². Исследовательская стратегия атрибуторного контекстуализма строится на основе координации семантического и эпистемологического аспектов анализа:

- семантическому аспекту анализа соответствует принцип индексичности эпистемически-атрибутивных высказываний типа "S знает/не знает, что p": значение таких высказываний определяется практически-речевой ситуацией, в ко-

¹ Галухин Андрей Владимирович, e-mail: galukhin76@mail.ru

² Галухин А.В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии // Социально-гуманитарные знания. – 2014. № 8. С. 61 - 77.

торой *с позиций атрибутора* решается вопрос о приписывании субъекту знания, - в разных контекстах эти высказывания выражают, по сути, разные пропозиции¹;

- эпистемологическому аспекту анализа соответствует принцип контекстуальной относительности истинностного значения эпистемически-атрибутивных высказываний: последнее не является инвариантно установленным, но изменяется вместе с изменением контекста (речевой ситуации), поскольку именно контекст задает значение эпистемических стандартов (нормативных экспликаторов семантического варианта выражения «знает»), которым должна соответствовать эпистемическая позиция субъекта, чтобы ему можно было приписать знание².

Исходя из обоснования индексикального статуса эпистемически-атрибутивных высказываний, демонстрации относительности их истинностного значения как меняющегося в зависимости от контекста, задающего стандарты, по которым выверяются основания и возможности приписывания субъекту знания, атрибуторный контекстуализм разрабатывает стратегии комплексной аргументации, которая может быть эффективно использована для решения ряда актуальных эпистемологических проблем, таких, например, как проблема Гетье, проблема «лотерейного парадокса» и особенно проблема преодоления апорий, индуцирующих скептицизм³.

В одной из предшествующих работ⁴, посвященных пропедевтическому исследованию аналитической стратегии эпистемического контекстуализма, я уже рассматривал в качестве примера применения этой стратегии стандартное контекстуалистское решение типовой **головоломки скептицизма**, которое было предложено в рамках первоначальной концепции Ст.Козна, задействовавшей принципы эпистемологической теории «релевантных альтернатив». Настоящая работа посвящена анализу оснований нового контекстуалистического

¹ *Blome-Tillmann M.* The Indexicality of 'Knowledge' // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 138, P. 29-53.

² *DeRose K.* Contextualism: An Explanation and Defense // *J. Greco and E. Sosa (Eds.). The Blackwell Guide to Epistemology*, Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 1999. P.187-205.

³ *Cohen, S.* Contextualist solutions to epistemological problems: Scepticism, Gettier, and the lottery // *Australasian Journal of Philosophy*. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 289-306.

⁴ *Галухин А.В.* Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма. // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 8. С.143-160.

решения головоломки скептицизма, которое было разработано **Кейтом ДеРоузом** - одним из ведущих теоретиков и апологетов семантического атрибуторного контекстуализма¹.

Напомним, что в представлении ДеРоуза скептический аргумент может принимать форму Аргумента от Неведения («The Argument from Ignorance»)².

Пусть “SkH” – некоторое радикальное скептическое предположение, посредством которого эксплицитно вводится представление о возможностях ошибки или заблуждения, требующих исключения по достаточным основаниям. В качестве примера обычно указывается ставшая уже хрестоматийной гипотеза «мозгов в бочке» (BIV-гипотеза), изложенная Х.Патнэмом³ и рассматриваемая многими философами-аналитиками в качестве современного материалистически-технологического перетолкования классической декартовской гипотезы «злого гения», расставляющего ловушки для разума;

“K” – оператор знания, а “K [φ]” – обозначение применения оператора для выражения того, что некий субъект знает некоторую пропозицию φ (допускается, что оператор “K” используется для обозначения эпистемического состояния конкретного субъекта в конкретное время);

“O” – некоторая ординарная пропозиция, фиксирующая эмпирически элементарный факт, знание которого в стандартных повседневных ситуациях приписывается субъекту как вполне достижимое и не подлежащее сомнению.

Представим формализованное выражение скептического аргумента, зафиксировав в качестве исходного правдоподобного допущения (Pl.Ass.) положение о доступности знания обычных фактов и положений дел, фиксируемых с помощью O-пропозиций:

Pl.Ass.: K [O]

(1) $\neg K [\neg SkH]$ (по версии ДеРоуза, это первая посылка скептического AI-аргумента)

(2) $\neg K [\neg SkH] \rightarrow \neg K [O]$ (по принципу «эпистемического замыкания»)

C.: $\neg K [O]$.

Например:

¹ DeRose, K. The Case for Contextualism. Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1. Oxford, 2009.

² DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review. 1995. Vol.104. P. 1–52.

³ Putnam H. Reason, Truth And History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P.5-21.

Pl.Ass.: S в принципе может знать (и, скорее всего, знает), что у него есть руки (стандартная O-пропозиция в традиции Дж.Мура);

(1) S не может знать, что он не есть BIV (т.е. *что он не является жертвой скептического сценария*, описываемого радикальной гипотезой, такой, например, как гипотеза «мозгов-в-бочке», поскольку в случае реализации данного сценария его реальный опыт во всех когнитивных аспектах был бы *интерналистически* не различим с опытом симулятивным – индуцированным внешней инстанцией);

(2) Если S не может знать, что он не есть BIV, то S не может знать, что у него есть руки.

На основании (1) и (2) делается заключение:

C: S не может знать, что у него есть руки.

Проблема в том, что каждое из представленных выше положений, рассматриваемых в отдельности, правдоподобно, но взятые вместе, они являются принципиально несовместимыми по истинности. В единстве этих пропозициональных положений конституируется апория, представляющая один из эпистемологических парадоксов, который обозначается как «головоломка радикального эпистемического скептицизма».

В качестве методологической основы объяснения феноменологии скептицизма и экспликации оснований скептического парадокса, препосылаемой его разрешению, К. ДеРоуз выбирает разработанный **Робертом Нозиком модально-треккинговый подход к анализу знания**¹, адаптируя его в рамках общей стратегии контекстуального анализа условий приписывания знания субъекту.

Р.Нозик исходит из базовой квазиметафизической интуиции, определяющей понимание знания как такого эпистемического состояния, в котором раскрываются возможности состоять в действительной связи с миром, выверяемой по тому, насколько это состояние, различаемое по такому ключевому (*но не единственному*) признаку, как обладание истинными убеждениями, позволяет *отслеживать истину* («to track the truth») как в фактических, так и возможных - контрфактических ситуациях, без учета которых ни одному полаганию (убеждению), даже если оно истинно, нельзя приписать статус знания. Как и некоторые другие представители аналитической эпистемологии, Нозик признает недостаточность классического определения условий пропозиционального знания. Классически

¹ *Nozick R. Philosophical explanations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. P.167-288.*

определенные условия знания, по формулировке Нозика, сводятся к двум базисным положениям:

(1) p истинно.

(2) S убежден (полагает), что p .

Данные условия, из которых, как видно, исключено условие оправданности убеждения (в одном из вариантов своей концепции Нозик замещает его условием «путей и методов приобретения убеждения»), необходимы, но, как показывает, например, проблема Гетье, не являются достаточными для того, чтобы убеждение обратилось в знание. Основная регулятивная идея, которую Нозик раскрывает, моделируя дополнительные условия знания, представлена положением, выражающим одну из *базисных экстерналистских интуиции* теории знания: «убеждение в том, что p , является знанием о том, что p , только если оно как-то изменяется в зависимости от того, истинно ли то, что p »¹. Статусом знания обладает истинное полагание, которое изменялось бы, если бы изменялись факты, на которые обращена познавательная интенция, исполненная в этом полагании. Истинное полагание (убеждение) обращается в знание при условии определённым образом проявляемой **чувствительности к истине** того, что составляет предмет полагания (убеждения). В поле этой исходной интуиции Нозик формулирует дополнительные условия знания, выражая их в сослагательно-кондициональной форме – в форме **контрфактически-условных высказываний**:

Если S имеет истинное убеждение, что p , то это убеждение обращается в знание при условии, что:

(3) Если бы p не было истинным, S не полагал бы, что p (условие «вариативности» (the «variation condition»: $\neg p \rightarrow \neg Vp$));

(4) Если бы p было истинно в других обстоятельствах (в пространстве «ближайших» возможных миров), S полагал бы, что p , и не полагал бы, что не- p (условие «сопряженности» («the adherence condition»: $p \rightarrow Vp$))².

Соответственно, истинно утверждать, что субъект знает, что p , можно только тогда, когда субъект не только полагает, что p (2), и это полагание истинно (1), но и не полагал бы, что p , если бы p не было истинно (3), и полагал бы, что p , если бы p было бы истинно (4).

Дополнительные условия знания – условия «вариации» и «сопряженности» вводят индикаторы вариативности полага-

¹ Nozick R. Op.cit. P.288.

² Nozick R. Op.cit. P.172-178.

ний, координированной с вариативностью факта или положения дел, относительно которых реализуется данная пропозициональная установка. Таким образом, условия «вариации» и «сопряженности» являются экспликацией **принципа «чувствительности» пропозиционального содержания полаганий к истине того, что полагается**. Чувствительность к истине выявляется на основе контрфактических допущений, что позволяет произвести модальную квалификацию условий знания. При модальном истолковании принципа чувствительности полаганий вводится **условие отслеживания истины** («tracking the truth») или, выражаясь более аутентично, «следования истине» в ансамбле возможных миров¹: S знает, что p не тогда, когда он просто полагает, что p и это убеждение, как соответствующее действительности, истинно, - истинное убеждение (убеждение, что p) именно тогда обращается в знание, когда в ситуациях, отличных от фактической, т.е. в ближайших возможных мирах, где p истинно, S истинно полагал бы, что p, и в контрфактических ситуациях, в которых p ложно, S не полагал бы ложно, что p, или имел бы полагание с другим пропозициональным содержанием. Так в модальных терминах может быть эксплицировано понятие эффективного «трекинга истины». В аналитической эпистемологии данный подход обозначается не только как «трэкинговый анализ знания», но и как «осмысление знания на основе контрфактических допущений» или как SCA-подход к анализу знания («Subjunctive Conditionals Account of Knowledge»)².

Исходя из определения знания как истинного убеждения, «чувствительно настроенного с истиной» («sensitively tuned to the truth»), Нозик представляет рациональное объяснение происхождения апорий скептицизма. Радикальный скептический аргумент, задействующий одну из сильных скептических гипотез, какой например, является гипотеза «мозгов в бочке» (BIV-гипотеза), подрывает притязания на знание в силу двух основных обстоятельств:

1. В случае скептического сценария, описываемого с помощью BIV-гипотезы, знание того, что это радикальное скептическое предположение неистинно, является недостижимым для жертвы этого сценария ($\neg K [\neg SH]$), но это объясняется именно контрфактуальной нечувствительностью полаганий. Даже если субъект, который в действительности есть BIV, т.е. жертва скептического сценария, истинно полагает, что он –

¹ Nozick R. Op.cit. P.173.

² DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review. 1995. Vol.104. P.17-27.

жертва скептического сценария, на самом деле он не знает этого, потому что его полагание (убеждение) призведено по тому же скептическому сценарию (ведь все состояния BIV-субъекта детерминированы воздействием трансцендентой инстанции, обеспечивающей на феноменальном уровне симуляцию реальности) и, как таковое, будучи истинным, оно не удовлетворяет требованию чувствительности к истине, которая конститутивна для знания

2. Если субъект не знает, что скептическая гипотеза (например, BIV-гипотезы) неистинна, то он не знает ничего из того, что оказывается несовместимым с тем положением дел, которое позиционируется скептической гипотезой как истинное положение дел. Значимость этого вывода, имеющего структуру импликации ($\neg K [\neg SH] \rightarrow \neg K [O]$), формально фундирована *принципом эпистемического замыкания* («*Epistemic Closure Principle*»), согласно которому знание некоторой пропозиции или множества пропозиций замкнуто на все множество их логических следствий, знание которых может быть достигнуто в принципе. Один из способов противодействия стратегии скептицизма заключается как раз в том, чтобы продемонстрировать несостоятельность принципа эпистемического замыкания, как он применяется в системе скептической аргументации. Но этот способ принципиально отличается от методов, разрабатываемых в контекстуализме.

Кейт ДеРоуз использует арсенал модально-треккингового подхода к анализу знания, адаптируя его к условиям эффективного применения контекстуалистской стратегии для решения парадоксов скептицизма. Подходя к объяснению феноменологии скептицизма с интенцией разработать способ разрешения скептической головоломки, обладающий преимуществом перед базисной контекстуалистической стратегией, ДеРоуз концептуально соотносит **принцип контрфактуальной чувствительности полаганий**, представляемый как выражение необходимого условия приписывания знания, специфицируемого относительно контекста, с **принципом измерения силы эпистемической позиции субъекта** на основе использования контекстуально зависимых стандартов, применяемых для атрибутирующей оценки знания.

ДеРоуз понимает, что если не критически следовать модальному подходу Р.Нозика и представлять контрфактуальную чувствительность в качестве необходимого условия приписывания знания, то в условия решения эпистемологического парадокса будет заложено неизбежное отрицание классического принципа эпистемического замыкания – принципа дедуктивной

трансляции знания. Напомним: согласно этому принципу, пропозициональное знание, получая выражение через когерентное множество суждений, «замкнуто» на множество своих знаемых дедуктивно выводимых следствий, т.е. логических импликаций этих суждений, посредством которых раскрывается содержание того, что знаемо. Именно принцип эпистемического замыкания задействован в структуре скептически ориентированной аргументации, которая воспроизводит эпистемический парадокс, индуцирующий сомнение в возможности обладания знанием: если нет достаточных оснований, по которым субъекту можно было бы приписать знание того, что радикальная скептическая гипотеза, ложна, то во всех остальных случаях, предполагающих реализацию естественной познавательной установки, субъекту нельзя приписать знание, даже если речь идет о знании самых обычных вещей [$\neg K [\neg SkH]$] $\rightarrow \neg K [O]$. Избранная Нозиком стратегия нейтрализации принципа эпистемического замыкания на фоне утверждения контрфактуальной чувствительности в статусе необходимого условия знания неизбежно приводит, по выражению ДеРоуза, к «безобразным сочетаниям» («Abominable Conjunctions»)¹ которые заставляют усомниться в эффективности производимой Нозиком деконструкции скептического аргумента: так, например, субъект может быть убежден, что как человек он обладает нормальной психобиофизической конституцией (Опропозиция вида «у меня есть руки»), и это убеждение может квалифицироваться как знание, поскольку в возможных мирах, ближайших к актуальному, проявляет контрфактуальную чувствительность; но при этом он в принципе не может знать, что не заблуждается, как следует из представленного скептиком сценария, по которому он - бестелесный BIV и, соответственно, нормальной конституцией не обладает, и он не знает этого фактически, потому что в диапазоне релевантных контрфактических ситуаций его убеждение не последует истине. Однако, по логике эпистемического замыкания, если субъект знает, что он психобиофизически полноценен, и знает при этом, что данное обстоятельство имплицитно, что он не есть существо неполноценное (типа BIV-a), то он знает, что гипотеза скептика ложна. Следовательно, только ценой отказа от принципа дедуктивной трансляции знания выводится заключение, представляющее «безобразное», по оценке ДеРоуза, сочетание: субъект может знать, например, что он полноценен, но при этом не может знать, что скептическая гипотеза, отрицающая

¹ DeRose K. Op.cit. P.28.

этот факт, ложна. ДеРоуз, однако, полагает, что принцип эпистемического замыкания, будучи интуитивно правильным, логически корректным и оправданным, поскольку выражает ключевые условия дедуктивно основательного расширения сферы знания, позволяет не только реконструировать схему скептических выводов, но является так же необходимым звеном в системе контрскептической аргументации.

Чтобы эффективно задействовать предложенный Нозиком модальный подход для объяснения «феноменологии скептицизма», но избежать при этом негативных последствий Нозиковой концепции знания как истинного контрфактуально чувствительного убеждения, ДеРоуз сознательно абстрагирует принцип контрфактуальной чувствительности из структуры концепта пропозиционального знания и использует этот принцип для контекстуалистического объяснения механизма, посредством которого, как, например, в случае выдвижения скептического аргумента, *повышаются стандарты*, по которым определяется, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция субъекта, чтобы ему можно было приписать знание.¹ Модальный подход к определению условий знания и оснований его атрибутирования субъекту предполагает, как показано в концепции Р.Нозика, эффективный «треккинг истины» в системе релевантных контрфактических ситуаций, рассматриваемых из перспективы актуального мира, - исследование области возможных миров на предмет того, имеет ли в них место быть «вариация полагания и факта», является необходимым условием удостоверения того, что субъект находится в эпистемической позиции, которая достаточна сильна, чтобы с полным основанием приписать ему знание. В рамках модального подхода, адаптированного к стратегии контекстуализма, *сила эпистемической позиции измеряется следующим образом*: эпистемическая позиция субъекта, имеющего истинное убеждение относительно p , тем сильнее, чем больше ареал возможных миров, в которых (по условиям «сопряженности» и «вариативности») прослеживается истина того, что p , т.е. чем дальше относительно актуального мира убеждение следует истине.² Эксплицируя принцип силы эпистемической позиции в модальных терминах, ДеРоуз вводит принципиальное методологическое ограничение: для определения силы эпистемической позиции необходимо рассматривать преимущественно такие контрфактические ситуации, в которых задействован тот

¹ DeRose K. Op.cit. P.38-39.

² Feldman R. Skeptical Problems, Contextualist Solutions. // Philosophical Studies. 2001. Vol. 103. P.70.

же самый механизм (способ или метод) формирования убеждения, что и в актуальном мире¹. Понятие силы эпистемической позиции эксплицировано в данном случае с позиций эпистемического экстернализма. Согласно **базовым установкам атрибуторного контекстуализма**, именно конкретный речевой контекст, отличающийся своей тематической спецификой, определяет то, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция субъекта, чтобы можно было основательно утверждать состоятельность заявленных в этом контексте притязаний на знание. Соответственно, *с изменением контекста*, в котором производится атрибутивная оценка притязаний на знание, *проявляется вариативность показателей силы эпистемической позиции*. Так, например, если контекст трансформируется таким образом, что стандарты оценки знания повышаются, то это означает, что сфера «эпистемически релевантных» возможных миров расширяется, т.е. истинное убеждение, сформировавшееся у субъекта определенным способом, чтобы квалифицироваться как знание, должно быть протестировано на предмет «пеленгации истины» в диапазоне контрфактических ситуаций, более отдаленных от актуального мира, чем ситуации, моделируемые из перспективы контекста, в котором действуют стандарты, более низкие относительно стандартов, актуально заданных в новом контексте. Прежде чем раскрыть механизм трансформации контекста и повышения эпистемических стандартов, который используется в порядке скептической аргументации, необходимо прояснить, как определяются границы диапазона возможных миров, в которых истинное убеждение должно последовать истине, чтобы обратиться в знание. Для этого необходимо произвести модально-функциональный анализ пропозиций, которые эксплицитно тематизируются в данном контексте, выступая в предметном фокусе истинных убеждений (полаганий). Цель такого анализа - выделить *контрфактуально авангардную пропозицию* из всех тех, которые, будучи эксплицитно представленными и рассматриваемыми в данном контексте, отображаются на контрфактические ситуации: так, пропозиция *p*, отрицание которой требует продвижения в сравнительно более отдалённые возможные миры, будет задавать стандарт для данного коммуникативно-речевого контекста, поскольку контрфактическая ситуация, в которой *p* ложно, в сравнении с другими является предельной, поэтому как таковая она определяет границы диапазона возможных миров, «сканируемых» в порядке трек-

¹ DeRose K. Op.cit. P.34.

кинга истины¹. Контрфактические ситуации, описываемые на основе пропозиций, которые не эксплицированы системой актуальных полаганий или не вписываются в тематические горизонты обсуждения, являются эпистемически иррелевантными альтернативами и не оказывают какого-либо воздействия на условия атрибутирования знания в данном контексте. И хотя контрфактуальная чувствительность может быть важным фактором, который следует учитывать для того, чтобы определить, является ли высказывание, выражающее атрибуцию субъекту знания, истинным, однако, как показывает ДеРоуз, в определённых случаях, когда речь идет о статусе *имплицитных убеждений*, сила эпистемической позиции субъекта также будет вполне релевантным и достаточным условием для приписывания знания². Таким образом, для того, чтобы в определенном контексте атрибуция знания была истинной, достаточно, по мысли ДеРоуза, установить, что субъект находится в эпистемической позиции, *достаточно сильной*, чтобы можно было определить, насколько его истинное убеждение последует истине в диапазоне возможных миров, границы которого определены исходя из наиболее авангардной пропозиции, эксплицитно тематизируемой в качестве предмета убеждения в данном контексте. Так, субъект S, имеющий истинное убеждение, что p (например, убеждение «у меня есть руки»), может достигать относительно сильной эпистемической позиции, в принципе достаточной для того, чтобы осуществлять «пеленгацию» истины в возможных мирах, настолько отдаленных от действительного, что исходные факты и положения дел (например, факт «у меня есть руки») замещаются негативными альтернативами, представляющими возможные не-p миры (например, таким положением дел, при котором вследствие какого-то злоключения человек лишился рук), вполне релевантными для экспертизы притязаний на знание обычных пропозиций типа p. Если в этих ближайших возможных мирах, в которых p ложно, S не придерживается убеждения, что p, то это убеждение удовлетворяет принципу контрфактуальной чувствительности и квалифицируется как знание. Однако, чтобы утверждать, что скептическая гипотеза (SkH), артикулирующая возможности, несовместимые с позицией обладания знанием, является ложной, допуская при этом, что это утверждение выражает пропозицию, чувствительную к истине, необ-

¹ DeRose K. Op.cit. P.34-35.

² Pritchard D. H. Two Forms of Epistemological Contextualism // *Grazer Philosophische Studien*. 2002. Vol. 64. P.109-110.

ходимо находиться в более сильной эпистемической позиции, чем та позиция, которая достаточна для знания обычных вещей (О-пропозиций), таких, как P^1 . С эксплицитным выдвижением радикального скептического предположения (типа BIV-гипотезы) вводится представление о таких отдаленных не-р мирах (у BIV-субъекта нет рук *ex definitio*), которые являются вполне эпистемически релевантными для того, чтобы отслеживать в их диапазоне истину отрицания скептического предположения; но эти же ситуации становятся теперь вполне релевантными и для того, чтобы методом «треккинга истины» производить экспертизу контрфактуальной чувствительности других - естественно сложившихся убеждений (типа убеждения о наличии у меня рук), т.е. тех убеждений, которые в обычной ситуации не вызывают сомнения и при условии истинности, установленной по стандартам, релевантным контексту повседневности, образуют основу обыденного знания. Данное обстоятельство свидетельствует о повышении эпистемических стандартов, обусловленном изменением контекста: эксплицитная тематизация скептического предположения трансформирует контекст таким образом, что для удостоверения и приписывания знания обычных пропозиций требуется соответствие стандартам такого уровня, которые задаются исходя из актуальной необходимости удостоверить знание неистинности контрфактуальных допущений, имплицитных скептическим предположением, а последнее может быть настолько радикальным и замысловатым (как в случае с BIV-гипотезой или гипотезой «злого гения»), что убеждение в его ложности оказывается нечувствительным к истине. В этом новом контексте даже знание обычных вещей ($K [O]$) по принципу эпистемического замыкания оказывается принципиально обусловленным знанием оснований исключения возможностей ошибки или заблуждения, артикулированных скептической гипотезой, - это выражается посылкой скептического аргумента $[\neg K [\neg SkH]] \rightarrow \neg K [O]$. Но достижение такого знания проблематично, поскольку, каков бы ни был контекст, убеждение в ложности радикальной скептической гипотезы не удовлетворяет критерию контрфактуальной чувствительности и, следовательно, не может расцениваться как знание, - это выражается другой посылкой скептического аргумента: $[\neg K [\neg SkH]$. Из этих двух посылок выводится скептическое заключение относительно возможностей приписывания знания даже обычных вещей ($\neg K [O]$), знание которых, как правило, не вызывает сомнения в

¹ DeRose K. Op.cit. P.34.

ординарных контекстах, и это заключение – при истинности посылок и формальной правильности вывода - является истинным.

Исследуя феноменологию скептицизма, ДеРоуз раскрывает механизм повышения стандартов атрибутирующей оценки знания, который эффективно задействуется в скептической аргументации. Для этого осуществляется контекстуалистически-атрибуторная транскрипция сформулированного Нозиком условия знания, выражающего требование контрфактуальной чувствительности полаганий, т.е. перетолкование условия вариации в смысле условия приписывания знания по контекстуально заданным стандартам, которые меняются с изменением контекста. Принцип повышения стандартов оценки знания эксплицирован в форме общего **«Правила чувствительности»**, сформулированного специально для ситуации, когда актуальным является вопрос приписывания знания субъекту, эпистемические притязания которого рассматриваются атрибутором. ДеРоуз не исключает, что в роли атрибутора выступает сам субъект, рефлексивно обращенный на собственные пропозициональные установки. Формулируется Правило Чувствительности следующим образом: «Когда утверждается, что некий субъект S знает (или не знает) некую пропозицию P, стандарты знания (стандарты, сообразно которым определяется, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция S, чтобы ему можно было приписать знание), имеют тенденцию повышаться (“tend to be raised”), если это необходимо, до такого уровня, что относительно полагания S с данным пропозициональным содержанием p актуализируется требование, согласно которому это полагание должно быть контрфактуально чувствительным, чтобы иметь статус знания»¹. Применение Правила Чувствительности для объяснения того, каким образом при развертывании аргументации, воспроизводящей скептическую установку, повышаются стандарты атрибутирующей оценки знания, предпосылается более основательному разрешению головоломки скептицизма. Прежде всего, Правило Чувствительности позволяет с контекстуалистических позиций объяснить, почему скептическая аргументация представляется убедительной и приводит к такому эффекту, как сомнение в обладании знанием: «Задействуя AI аргумент (Аргумент от Неведения – Авт.) для демонстрации неосновательности наших притязаний на знание некоторой пропозиции O, в отношении которой мы обычно полагаем себя знающими, скептик

¹ DeRose K. Op.cit. P.36.

непроизвольно выбирает такое именно скептическое предположение, SkH, эффект которого определяется в плане двух индуцируемых им обстоятельств: (1) Мы будем находиться, по крайней мере, в не менее сильной эпистемической позиции относительно знания не-SkH (знания того, что радикальное скептическое допущение, такое как BIV-гипотеза, неистинно – *Авт.*), чем позиция, в которой мы находимся, когда полагаем, что знаем O (т.е. обычные вещи, относительно знания которых сомнения, как правило не возникает. - *Авт.*); но (2) любое полагание, что не-SkH (иначе говоря, убеждение, что выдвинутая скептиком радикальная гипотеза SkH неистинна. – *Авт.*), которое в принципе могло бы у нас быть, будет как раз контрфактуально нечувствительным полаганием (т.е. будет убеждением, которого мы придерживались бы, даже если бы не-SkH было ложным, или, иначе говоря, если бы скептическое допущение SkH было бы истинным)»¹. Таким образом, эксплицитное утверждение скептика, что мы не знаем, что скептическое предположение ложно ($\neg K [\neg SkH]$), будучи фактором трансформации контекста, задействует механизм, зафиксированный в Правиле Чувствительности, т.е. «повышает стандарты знания настолько, что (в этом новом контексте – *Авт.*) утверждение скептика ($\neg K [\neg SkH]$) оказывается истинным»². Действительно, когда высказывается радикальная скептическая гипотеза SkH, артикулирующая возможности ошибки или заблуждения, и в эксплицитной форме проблематизируется приписывание субъекту знания того, что эта гипотеза SkH ложна, происходит изменение контекста, в силу которого сообразно Правилу Чувствительности стандарты знания повышаются до такого уровня, что субъект должен уже находиться в более сильной эпистемической позиции, чем та, которая достаточна для атрибуции знания обычных пропозиций (O), чтобы это убеждение - убеждение в ложности скептической гипотезы могло квалифицироваться как знание. Так объясняется убедительность скептической аргументации: в новом контексте, который воссоздаётся, когда знание ложности радикального скептического предположения становится эксплицитно тематизируемым, вскрывается именно то обстоятельство (п.2), что вполне естественное убеждение в том, что радикальная скептическая гипотеза ложна, а её отрицание - не-SkH - истинно, не может квалифицироваться как знание, поскольку оно не отвечает требованию контрфактуальной чувствительности (мы бы пола-

¹ DeRose K. Op.cit. P.37.

² DeRose K. Op.cit. P.37.

гали, что скептическая гипотеза несостоятельна, даже если бы предусмотренный ею сценарий реализовался); а эпистемическая позиция субъекта, оцениваемая по стандартам, заданным из перспективы «треккинга истины» в возможных мирах, релевантных отрицанию SkH , не является достаточно сильной, чтобы субъекту можно было приписать знание ложности скептического предположения и исключить возможности ошибки или заблуждения. А поскольку, согласно п.1, с высказыванием скептического предположения SkH контекст трансформировался таким образом, что мы должны находиться в не менее сильной эпистемической позиции относительно O , чем относительно не- SkH , то, если следовать более высоким стандартам, индуцированным утверждением скептика ($\neg K [\neg SkH]$), оказывается, что и притязания на знание обычных пропозиций (O) являются несостоятельными.

Развитие понимания феноменологии скептицизма предпосылается тому, чтобы с контекстуалистических позиций представить условия иммунизации оснований приписывания знания от скептических фальсификаций. Первый шаг в системе контрскептической аргументации, которую использует контекстуалист, чтобы в ответ на вызов скептицизма иммунизировать притязания на знание, заявленные в разных контекстах, начиная с обыденных ситуаций, определяется, по мысли ДеРоуза, парадигмальными установками контекстуальной релятивизации стандартов атрибутирующей оценки знания: согласно контекстуалистическим теориям, стандарты, по которым устанавливается то, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция субъекта, чтобы ему истинно можно было приписать знание, не являются инвариантно заданными, но являются относительными и вариативными, поскольку зависят всецело от особенностей речевого контекста. Соответственно, «поскольку скептик приходит к заключениям, которые являются истинными, за счет повышения стандартов знания, скептический аргумент $A1$ не угрожает истинности наших обычных притязаний на знание.... Ибо то обстоятельство, что скептик смещает контекст в сторону более высоких стандартов, не является решающим в плане демонстрации того положения, что мы не можем соответствовать более ослабленным стандартам, релевантно задействованным в более обыденных контекстах...».¹ Последующие шаги в развитии контрскептической аргументации опираются на раскрытие механизмов повышения эпистемических стандартов и реконструкцию условий гер-

¹ DeRose K. Op.cit. P.38.

метизации и трансформации контекстов. Адаптация модального подхода к определению условий атрибутирования знания субъекту позволила уточнить императивное содержание контекстуально зависимых эпистемических стандартов с учетом значения таких факторов как контрфактуальная чувствительность убеждений и сила эпистемической позиции субъекта. Так, чтобы определить истинностный статус высказываний, выражающих суждение о приписывании субъекту знания, необходимо удостовериться, что убеждения субъекта удовлетворяют условию контрфактуальной чувствительности, т.е. последуют истине в диапазоне релевантных контрфактических альтернатив. Исходя из этого, выясняется, например, что наши обыденные убеждения могут квалифицироваться как знание, пока стандарты не повысились за счёт высказывания об отсутствии эпистемических ресурсов, необходимых для исключения возможностей, артикулированных радикальной скептической гипотезы, ибо убеждение в ложности последней не удовлетворяет условию контрфактуальной чувствительности. Однако, в интерпретации ДеРоуза, данное условие, отвечая интуициям, на которых держится естественное понимание знания, не является универсальным: *во-первых*, знание приписывается субъекту не только тогда, когда его убеждения, будучи истинными, удовлетворяют условию чувствительности, но также и тогда, когда истинность этих атрибуций гарантирована принципом эпистемического замыкания, т.е. детерминирована логикой дедуктивной трансляции знания; *во-вторых*, условие чувствительности, как будет показано ниже, допускает исключения, поскольку определяется как стандартный норматив преимущественно для тех убеждений, пропозициональное содержание которых представлено в дискурсивно открытой форме, т.е. эксплицитно обсуждается и рассматривается в качестве предмета возможного знания в контексте атрибутора. Не исключено, что относительно последнего момента позиция ДеРоуза определяется базисной эпистемологической интуицией, которая выражается установками холистического понимания структурно-генетической основы пропозиционального знания: основу знания образует система когерентно взаимосвязанных убеждений, содержание которых может выступать не только в эксплицитной форме дискурсивно развёрнутых высказываний, но и в *имплицитной* форме предмета коннотативно-сопряжённых подразумеваний, открытых для экспликации, если того требует контекст, и «зарезервированных» для эпистемологической экспертизы. Так выявляется важный фактор, определяющий семантику и тематический профиль кон-

текста, в котором на основе определенных критериев решается вопрос о том, насколько эти убеждения эпистемически состоятельны. Соответственно, *экспликация* представляется семантически значимым принципом трансформации контекста. Следовательно, вполне правомерно было бы поставить вопрос об условиях, при которых в качестве *знания* квалифицируются убеждения, предметное содержание которых *не эксплицировано* в данном контексте, но которые в когерентной взаимосвязи с другими - эксплицитно заявленными убеждениями функционально задействованы в формировании пропозиционно-содержательной основы знания. Итак, в случае убеждений, предметное содержание которых не высказано и не обсуждается, релевантным фактором, определяющим их состоятельность в качестве знания, которое можно атрибутировать субъекту, является, как показывает ДеРоуз, именно сила эпистемической позиции субъекта, измеряемая по таким показателям, которые определяются семантикой контекста. На этом этапе анализа необходимо учитывать специфику понятий контрфактуальной чувствительности полагания (Нозик) и силы эпистемической позиции субъекта (ДеРоуз). В этом плане Д.Притчард правильно акцентирует различие моментов модально-операционального содержания этих понятий: «В отличие от контрфактуальной чувствительности, которая всецело определяется способностью отслеживать истину в ближайших модально сопредельных не-р мирах (как бы далеко они не отстояли от актуального мира), в случае эпистемической позиций дело идет о треккинге истины *simpliciter*»¹. Различие это является значимым не только для прояснения достаточных оснований приписывания знания в определенном контексте, но и для выработки аргументированного решения скептического парадокса. Напомним, что, по мысли ДеРоуза, для того, чтобы в определенном контексте атрибуция знания была истинной, достаточно установить, что субъект, у которого сформировалось истинное убеждение, находится в эпистемической позиции, достаточно сильной, чтобы это убеждение последовало истине в диапазоне контрфактических ситуаций, ограниченных негативной альтернативой, заданной исходя из отрицания *наиболее авангардной* пропозиции, эксплицированной в данном контексте. Так в перспективе модального анализа *раскрывается значение семантических факторов*, определяющих релевантность применяемых в этом контексте стандартов ат-

¹ Pritchard, D. H. Two Forms of Epistemological Contextualism // *Grazer Philosophische Studien*. 2002. Vol. 64. P.109.

рибутирующей оценки знания. До тех пор, пока не проявился семантический фактор, изменяющий контекст, т.е. пока радикальная скептическая гипотеза и возможности знания её ложности не стали эксплицитно заявленным предметом обсуждения, задавая тем самым новые, более высокие стандарты атрибутирования знания, субъект S может находиться в относительно сильной эпистемической позиции, чтобы естественное убеждение (p) с обычным пропозициональным содержанием (O-пропозиция типа «у меня есть руки») квалифицировалось атрибутором как знание. Очевидно, что в обыденном контексте необходимость следовать более высоким эпистемическим стандартам и отслеживать истинность обыденных убеждений в предельных контрфактических ситуациях, представляемых на основе радикальной скептической гипотезы, пока последняя не эксплицирована, т.е. пока контекст герметичен, не оказывает какого-либо воздействия на условия приписывания знания субъекту, поскольку предусматриваемые скептическим сценарием альтернативы, которые могли бы индуцировать такую необходимость, допуская предельные возможности ошибки, иррелевантны данному контексту. Приписывание субъекту знания обычных предметов (O-пропозиций) является истинным в данном контексте, и до тех пор, пока значимы эпистемические стандарты, заданные этим контекстом, истинность соответствующих этим стандартам атрибуций знания транслируется на множество их аналитически распознаваемых импликаций. Так, например, если истинно утверждение: «Илья Ковальчук знает, что у него есть руки», то истинным будет и утверждение «Илья Ковальчук знает, что он может использовать руки, чтобы попытаться забросить шайбу в ворота команды соперника», несмотря на то, что это утверждение выражает имплицитное убеждение, которое в определенной ситуации (например, в ситуации обсуждения хоккейного матча) может раскрыться как совершенно явное и актуально значимое эпистемическое притязание.

На этом этапе выдвигается **решающий контрскептический аргумент**, на котором основывается контекстуалистическое решение «головоломки скептицизма» в заключительной фазе его аргументативной проработки: если по контекстуально релевантным стандартам приписывание субъекту знания O-пропозиций истинно [K [O]], то в этом контексте истинной должна быть и атрибуция субъекту знания пропозиций, эквивалентных отрицанию скептической гипотезы (напр., BIV-гипотезы), т.е. знания того, что радикальное скептическое предположение ложно ($K [O] \rightarrow K [\neg SkH]$). Иначе говоря, если

на основе эпистемических стандартов, релевантно заданных в обыденном контексте, субъекту приписывается знание О-пропозиций ($K [O]$), несовместимых с теми, которые могли бы быть выражены радикальной скептической гипотезой, то в силу принципа эпистемического замыкания, который реализуется в форме кондционала ($K [O] \rightarrow K [\neg SkH]$), дедуктивно выводится положение, согласно которому субъекту в этом контексте можно приписать знание ложности экстраординарных скептических допущений: $[\neg K [\neg SkH]] \rightarrow \neg K [O]$, $\neg [\neg K [O]]$. Следовательно, $\neg [\neg K [O]] \rightarrow \neg [\neg K [\neg SkH]] \leftrightarrow K [O] \rightarrow K [\neg SkH]$.

Как видно, в структуре контрскептической аргументации эффективно задействуется принцип эпистемического замыкания, на который симметрично опирается и скептический аргумент: исходя из атрибуции субъекту знания О-пропозиций, условия истинности которой заданы на основе стандартов обыденного контекста, по принципу дедуктивной трансляции знания субъекту атрибутируется знание ложности скептического предположения, и такая атрибуция также является истинной, несмотря на то, что само убеждение в неистинности скептической гипотезы, которое можно было бы выразить в форме суждения типа "я не есть жертва скептического сценария", остаётся в этом контексте всецело имплицитным и ни при каких обстоятельствах не отвечает критерию контрфактуальной чувствительности. ДеРоуз демонстрирует, что субъекту можно приписать знание того, что скептическая гипотеза (SkH) ложна, руководствуясь относительно невысокими эпистемическими стандартами, принятыми в обыденных контекстах, где скептическая гипотеза и знание её ложности в эксплицитной форме не обсуждаются: «в специфических обстоятельствах речевого общения мы можем истинно утверждать, что знаем, что не- SkH , несмотря на то, что наше убеждение, что не- SkH , не является чувствительным»¹. По мысли ДеРоуза, сила эпистемической позиции представляется не только релевантным фактором, но оказывается и достаточным основанием для того, чтобы, руководствуясь стандартами, принятыми в обычном контексте, не только приписать субъекту *знание ординарных предметов*, но также атрибутировать ему *знание ложности экстраординарного скептического предположения*, несмотря на то, что убеждение в ложности последнего не является чувствительным к истине ни в одной из возможных контрфактических ситуаций, релевантно заданных из перспективы реализации радикального скептического сценария. Правило, которому

¹ DeRose K. Op.cit. P.40.

в этом случае следует контекстуалист, можно сформулировать, используя концептуальную состыковку понятий контрфактуальной чувствительности убеждения (Нозик) и силы эпистемической позиции субъекта (ДеРоуз) и учитывая факторы семантической детерминации контекста, в котором решается вопрос об атрибутировании субъекту знания: если эпистемическая позиция субъекта такова, что в диапазоне возможных миров, релевантно определённых для экспертизы контрфактуальной чувствительности наших обычных убеждений, она позволяет проследить истинность сравнительно более авангардной пропозиции (такой как, например, «я не BIV» или «мой опыт не продуцируется Матрицей»), которая входит в имплицитивную структуру наших убеждений, но, в отличие от содержания последних, эксплицитно не тематизируется в данном контексте, то соответствующее высказывание, приписывающее субъекту знание данной пропозиции, будет истинным, несмотря на то, что исходное убеждение субъекта (напр., убеждение в том, что есть достаточные основания для исключения возможностей ошибки или заблуждения, предполагаемых скептическим сценарием) не отвечает стандарту чувствительности к истине, применяемому в том диапазоне контрфактических альтернатив, какой необходимо было бы обследовать, когда бы эта пропозиция была эксплицитована, т.е. высказана и представлена в качестве предмета открыто заявленных притязаний на знание¹.

Какими преимуществами обладает это новое контекстуалистическое решение «головоломки скептицизма» по сравнению со стандартным решением, выработанным в рамках базисной стратегии семантического контекстуализма?

Во-первых, предложенное решение, будучи концептуально когерентным стандартному, является сравнительно более методологически основательным, поскольку оно разработано на основе реконструкции модального подхода к анализу знания и адаптации этого подхода в рамках парадигмы контекстуально-семантического анализа условий истинности высказываний, выражающих атрибуцию знания.

Во-вторых, данное решение обеспечивает определенный эвристический сдвиг проблемы приписывания субъекту знания в амбивалентной ситуации, моделируемой скептическими аргументами: в целом оно адекватно раскрывает «феноменологию скептицизма», объясняет убедительность скептических аргументов, но ограничивает область истинности скептических

¹ DeRose K. Op.cit. P.35.

выводов, демонстрируя не только контекстуально относительные условия иммунизации обыденных притязаний на знание, но и релевантные возможности приписывания субъекту знания ложности экстраординарных скептических допущений, подрывающих эпистемическую состоятельность. Стратегия контекстуального анализа, построенная на основе привлечения ресурсов модального подхода, предоставляет более эффективные средства аналитической терапии от «семантической слепоты», сопряженной с отсутствием рефлексивной чувствительности к тем трансформациям контекста, на которых держится деструктивный эффект скептической аргументации.

Галухин А.В. Контекстуально-модальный анализ условий решения головоломки скептицизма (концепция К.ДеРоуза). На примере концепции К.ДеРоуза раскрывается значение принципов атрибуторного семантического контекстуализма и рассматривается вопрос о том, насколько применение модально-треккингового подхода к анализу знания, разработанного Р.Нозиком и адаптированного ДеРоузом к стратегии контекстуального анализа эпистемически-атрибутивных высказываний, позволяет объяснить возникновение головоломки радикального скептицизма и представить аргументативные средства ее решения.

Ключевые слова: эпистемология, семантический контекстуализм, модальный подход, скептицизм.

Galukhin A.V. Contextualist modal analyses of the conditions of solving the skeptical puzzle (K.DeRose's conception). This paper gives account of the value of the principles of attributer semantic contextualism as exemplified by K.DeRose's conception. I give consideration to the question of whether the adjustment of R.Nozik's counterfactual account of knowledge to the strategy of contextualist analyses of knowledge attributions developed by DeRose provides a basis for the explanation of what gives rise to the skeptical puzzle, and whether it enables us to find arguments for a sustainable answer to skepticism.

Key words: epistemology, semantic contextualism, counterfactual account, skepticism.